

Достоевский в своем дневнике особенно подчеркивает, что русский человек из простонародья под корой наносного варварства сохранил красоту своего духовного образа, сохранил ее, имея в качестве идеала таких святых, как Сергей Радонежский, Феодосий Печерский, Тихон Задонский и другие, которые спасли его, которые пронзали и заполняли его душу непреходящим простодушием и добротой, искренностью и широтой, и все это в самом привлекательном гармоничном соединении. Кроме того, в народной душе глубоко укоренено и горячее чувство личной всегреховности, которое вырастает в непрерывный подвиг покаяния и в христуостремленное созидание себя по образу Христа.

Достоевский многократно утверждает идею православия, ссылаясь на утверждение Христа: Я есть и Истина и Путь и Жизнь. «Истина его никогда не кажетя заблуждением, путь – беспутием, а жизнь – смертью», – утверждает Преподобный Иустин.

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ точек зрения М.М. Бахтина и И. Попович показал принципиально разные подходы и выводы о творчестве Ф.М. Достоевского.

Заключение. Представленные в материалах результаты работ по исследованиям названных авторов, о творчестве Ф.М. Достоевского, не ставили своей задачей определение приоритетной точки зрения. Задача состояла в том, чтобы побудить читателя обратиться к названным источникам и получить новую информацию.

Список использованной литературы:

1. Зинченко, В.П. Вклад М.М. Бахтина в психологию сознания / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 2013. – №3.
2. Бахтин, М.М. Проблемы Поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Москва: изд. Художественная Литература, 1972.
3. Гроссман, Л.П. Поэтика Достоевского, Государственная Академия художественных наук / Л.П. Гроссман. – М., 1925.
4. Отто Каус. Достоевский и его судьба / Отто Каус. – Берлин, 1923.
5. Преподобный Иустин (Попович). Философия и религия Ф.М. Достоевского / И. Попович. – Минск: изд. Д.В. Харченко, 2007. – 311 с.

Антипенко О.Е.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Доцент, кандидат психологических наук*

Шкредова Н.Е.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Старший преподаватель*

УДК 165.81

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ СЁРЕНА ОБЮ КЬЕРКЕГОРА И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ М.М. БАХТИНА. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье авторы предприняли попытку обратиться к истокам творчества Бахтина, попробовали определить корни его первой философии и философии как таковой, на основе анализа автобиографических данных М.М. Бахтина выдвигают гипотезу о том, что те впечатления, которые Бахтин получил в подростковом и юношеском возрасте, от прочтения работ известных философов того времени, он сохранил до конца дней и творчески использовал в своей работе, а смысл его работ надо искать не в самих работах, а в его биографии, так как его работы, по мнению авторов, это философская проекция его собственного «бытия-со-бытия», его «внутренний диалог» с самим собой.

Ключевые слова: Серен Кьеркегор, М.М. Бахтин, экзистенция, философская антропология, диалогизм сознания.

EXISTENTIALISM OF SØREN ØBU KIERKEGAARD AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF M.M. BAKHTINA. PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

In the article the authors made an attempt to address the origins of Bakhtin's creativity, tried to determine the roots of his first philosophy and philosophy as such, on the basis of an analysis of autobiographical data of M.M. Bakhtin. The hypothesis is advanced that he retained the impressions Bakhtin received in adolescence and adolescence, from reading the works of famous philosophers of the time, creatively used in his work, and the meaning of his work should be sought not in the works themselves, but in his biography, since his work, according to the authors, is the philosophical projection of his own «being-of-being», his «inner dialogue» with himself.

Key words: Seren Kierkegaard, M.M. Bakhtin, existentialism, philosophical anthropology, dialogism of consciousness.

Введение. В последнее время в научной периодике и, особенно на Западе, все чаще можно встретить публикации, откровенно критикующие работы и взгляды М.М. Бахтина. С нашей точки зрения, это не что иное как следствие того ажиотажа, который начался с конца 80-х годов в Соединенных Штатах Америки и, приняв организационные формы, стал называться «The Bakhtin Industry». Возникший в 80 годы так называемый «Бум Бахтина» привел к тому, что имя Бахтина, вернее, употребление цитат из его работ, стало своеобразной индульгенцией, пропуском в мир интеллектуальной элиты. Фразы типа «как говорил Бахтин...», «по мнению Бахтина...» и т.п. можно к месту и не к месту услышать практически на всех научных форумах, а «жонглирование» такими понятиями, как «хронотоп», «полифония», «со-бытие», «карнавал», «диалог», «поступок», «ответственность» и т.п. со ссылкой на Бахтина стало признаком интеллектуальности и начитанности, хотя ни один из этих терминов лично Бахтину не принадлежит. Такого рода отношение к творчеству М.М. Бахтина не может не порождать мысли о своеобразной «моде» на Бахтина, о некритическом отношении к его творчеству, о некой искусственной «раздутости» значения его творчества для мировой философской науки.

Основные критические замечания, относительно научного и литературного наследия Бахтина, сводятся к следующему: «...распространенная в настоящее время точка зрения на оценку творчества русского мыслителя, особенно на Западе (но и не только), сводится к тому, что Бахтин не просто неоригинальный и неинтересный философ, он к тому же философ коварный и хитрый, умело использовавший идеи других авторов в своих произведениях, нисколько на таковых не ссылаясь или как-то сие обозначая».

Что же касается популярности и известности, которую заслужил этот русский автор, то они во многом (если не во всем) результат тех обстоятельств, в которых Бахтину пришлось жить и работать. Если бы не было идеологического давления к марксистскому единообразию в гуманитарной теории, если бы не было железного занавеса, препятствующего научной коммуникации России с Западом, никакого «Бахтина» как основы «бахтиноведения», «бахтинистики» не состоялось; в лучшем случае русский мыслитель оказался бы в числе плеяды талантливых (а может и не очень) последователей феноменологии или герменевтики, структурализма или даже постмодернизма [1].

Эти мысли имеют достаточно серьезные основания. Так, любой грамотный специалист не станет отрицать, что основные философские постулаты, «чистая философия» Бахтина, отделенная от литературных тем, не имеет четкости и ясности и не может быть названа полноценным мировоззрением. Получается так, что критикуя «теоретизм», охватывающий едва ли не все философские системы хотя бы Нового времени, Бахтин не дает взамен ничего своего собственного: ведь вводимые им в философию интуиции как конкретной живой бытийственности («событие бытия»), так и мышления, приобщенного к бытию («участное мышление»), не говоря о нравственном пафосе, обозначенном понятием «ответственность», к моменту вступления Бахтина в науку уже родились и плодотворно развивались не только в европейской, но и в русской философии.

Мы стоим на позиции того, что критиканство – это наиболее простой способ отрицания, не имеющий отношения к научному анализу. Вместе с тем, необходимо признать, что в научной биографии и творчестве М.М. Бахтина еще много спорного и непонятого, которое можно определить как своеобразное *terra incognita*.

В своей работе мы предприняли попытку обратиться к истокам творчества Бахтина, попробовать определить корни его первой философии и философии как таковой. Проект «первой философии» изложен в его философских записках, впоследствии названных С.Г. Бочаровым «К философии поступка», и в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Эти разрозненные записки не имеют законченной формы, в связи с чем их трудно отнести к какому-либо жанру. В различных источниках их определяют по-разному: эссе, этюды, трактат, философский труд. Но это не что иное как разрозненные записки молодого человека, имеющего богатую биографию и получившего уникальное образование, но, в силу исторических коллизий, не имеющего возможность себя реализовать и получивший в свои 25 лет достаточно большой негативный жизненный опыт. Записки не объединены ни единым содержанием, ни едиными понятиями. В большей степени – это попытка переосмысления основных положений экзистенциальной философии, в которой особое место занимает вопрос *существования (экзистенция)* человека (Кьеркегор, Ясперс, Хайдеггер, Сартр, Марсель, Камю и др.), и обозначающая, прежде всего, уникальное и непосредственно переживаемое человеческое *существование*.

Эти записки, с точки зрения многих исследователей, наиболее загадочное явление во всем творческом наследии мыслителя. Проблема того, что же хотел сказать Бахтин на нескольких десятках страниц своей отрывочной, тезисно-конспективной, да еще к тому же и неоконченной рукописи, остается нерешенной до сих пор, несмотря на существование бахтинологии и многолетнюю плодотворную работу бахтиноведов.

Задачу своего исследования мы видим в проведении смысловой и функциональной историко-философской реконструкции проекта «первой философии» М.М. Бахтина, определения методологических и содержательных корней его философии.

Известна знаменитая фраза И.Ньютона из письма Роберту Гуку, написанного им 5 февраля (15 н. ст.) 1676 г.: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». В парадигме нашего исследования фраза очень актуальна. Действительно, трудно представить себе какое-либо открытие или изобретение в науке, которое бы не основывалось на достижениях ученых предшествующих поколений. Это касается и творчества Бахтина. Следует отметить, что он очень рано начал свое знакомство с философской литературой. На этом строится **гипотеза** нашего исследования, которая заключается в том, что те впечатления, которые он

получил в подростковом и юношеском возрасте от прочтения работ известных философов того времени, он сохранил до конца дней и творчески использовал в своей работе, а смысл его работ надо искать не в самих работах, а в его биографии, так как его работы, по нашему мнению, это философская проекция его собственного «бытия-со-бытия», его «внутренний диалог» с самим собой.

Материал и методы. Изложенный выше предварительный вывод мы попытались проверить с помощью методов биографического и просопографического анализа.

Результаты и их обсуждение. Биография М.М. Бахтина – это история трагедии не только одного человека, это трагедия целого поколения «бахтинских», причем это трагедия касается не только того послереволюционного поколения, но и сегодняшнего времени. Может это и есть тот скрытый контекст, который объясняет популярность Бахтина среди интеллектуалов, то неощутимое воздействие его книг на определенный круг людей, так или иначе повторяющих его судьбу и даже не подозревающих об этом?

Рассмотрим этот тезис более детально. Бахтин родился в очень благополучной семье, имеющей богатую родословную. Это очень важный факт, который в дальнейшем сыграет определенную роль. Кстати сказать, он очень гордился своими предками.

Бахтин был не совсем обычный ребенок, в наше время его назвали бы одаренным, талантливым, что собственно соответствовало действительности. И как в наше время, так и тогда он повторил судьбу всех одаренных детей. Это одиночество, непринятие многими, отсутствие детских игр и занятий. Если он в 11-12 лет читал Достоевского, в 13 – Канта и других философов, это говорит о многом, при этом философскую литературу он читал только на немецком языке. В его биографии не было детских книг Дюма, Жюль Верна и др., они им даже не упоминаются. При всем при этом он был тяжело болен и вынужден был постоянно терпеть боль и сложные болезненные операции.

Остановимся на этих фактах более подробно. В первой беседе с В.Д. Дувакиным, известным исследователем-биографом, Бахтин говорил:

«Б: Можно сказать, я рано очень начал заниматься самостоятельным мышлением и самостоятельным чтением серьезных философских книг. И первоначально я именно философией больше всего увлекался. Литературой. Достоевского я знал уже с одиннадцати-двенадцати лет. И несколько позже, с двенадцати-тринадцати лет, я уже начал читать серьезные классические книги. В частности, Канта я очень рано знал, его «Критику чистого разума» очень рано начал читать. Притом, нужно сказать, понимал, понимал.

Д: И читали по-немецки?

Б: По-немецки, по-немецки читал. По-русски я даже и не открывал.» [2].

Можно предположить, что те философские концепции, с которыми он познакомился в подростковом и юношеском возрасте, стали основой его мировоззрения, так как других, в силу возрастных особенностей, у него еще быть не могло, а круг его общения из-за его болезни и специфики воспитания, по его словам, ограничивался его старшим братом и любимой немкой-гувернанткой «...Которую я, например, любил страшно... Я называл ее только «Liebchen» и очень любил сидеть у нее на уроках. Ну вот. Она была очень хорошая» [2, с. 35]. Так что книги по философии стали его собеседниками и учителями. В частности, это касается работ Серена Кьеркегора. В той же первой беседе с Дувакиным Бахтин говорил: «Других философов читал немецких. Очень рано ... раньше кого бы то ни было в России, я познакомился с Сереном Кьеркегором.

Д: Простите, я даже не понимаю, о ком речь. Серен...?

Б: Киркегор.

Д: Кир-ке-гор? Это что же, немец?

Б: Пишут у нас неправильно: Киркегард. А надо – Киркегор. Киркегор.

Д: Датчанин?

Б: Да, это был датчанин, это был великий датчанин.

Д: Тоже философ?

Б: Он был философ и богослов. Вот. Философ. Он был ученик Гегеля, учился у самого Гегеля... у... Шеллинга. Но потом он боролся с Гегелем, с гегельянством. Это был основоположник, ранний, который тогда, при жизни, был совершенно не замечен, – экзистенциализма.

Д: Простите, но какие же это годы? Он был... он современник...?

Б: Он современник Достоевского, как раз год в год они родились, но умер он раньше несколько, раньше несколько, чуть-чуть. Достоевский о нем понятия не имел, конечно, но близость его к Достоевскому изумительная, проблематика – почти та же, глубина – почти та же. И вообще, его сейчас считают одним из величайших мыслителей нового времени – Серен Киркегор. А при жизни его ни во что не ставили.

Д: У нас его не переводили?

Б: Он был большой ученый... Переводили. Очень мало, и не лучшее, не лучшее. Знаете, я познакомился тогда, в Одессе, еще с одним очень культурным швейцарцем – Ганс Линбах. Но он так, следа не оставил. Это был страстный поклонник Киркегора, когда его еще никто не знал.

Д: Это что же, с живым человеком познакомились?

Б: Живой человек, познакомился с ним.

Д: Этот швейцарец – вот кто Вам и дал эти книги, да?

Б: Да-да. И он открыл для меня Киркегора. И даже подарил первую книгу Киркегора, с его надписью: «Серен Киркегор». Ну вот. Ну, потом, запасшись полным собранием сочинений... я датского языка не знал, но по-немецки он уже был переведен весь, и, кажется, в «Pieter Verlag», сейчас уже не помню, в очень хорошем немецком издательстве, было издано десять томов его собрания сочинений, Киркегора. Ну, теперь-то Киркегор стал одним из... так сказать, властителем дум современности...» [2, с. 36-37].

Мы приводим этот диалог полностью, так как именно он дает нам основание считать Сёрена Обю Кьёркегора своеобразным учителем и основоположником предфилософии Бахтина.

Следует отметить, что судьбы этих двух ученых очень схожи, это, отчасти, объясняет удивительное сходство кругозоров, взглядов и понятий, на которые почти не обращали внимание ни исследователи Бахтина, ни исследователи Кьеркегора. В этом плане необходимо отметить высказывание Бахтина о схожести взглядов Кьеркегора и Достоевского. Диалогическая концепция Бахтина, его теория полифонии и мениппеевой сатиры дают возможность по новому взглянуть на поэтику Кьеркегора, точно так же как «теория коммуникации» Серена Кьеркегора дает возможность нового понимания мышления Бахтина. Известно, что творчество Кьеркегора, вместе с феноменологией Гуссерля и неокантианством Марбургской школы, было в 1920-х годах темой философских дискуссий бахтинского кружка.

В рамках парадигмы нашего исследования, параллели с его последующим творчеством здесь следующие: сначала раннее знакомство с Достоевским (1906-1907 гг.), затем знакомство с работами Кьеркегора (1907-1910), затем кружок философских дискуссий «Omphalos» (1914-1920), затем написание философских за-

писок о поступке, авторе и герое (1920-1924), написание в 1929 году книги «Проблемы творчества Достоевского» и затем написание диссертации «Творчество Франсуа Рабле». Анализ этой хронологии показывает становление философских взглядов Бахтина, которые формировались на основе детских и юношеских впечатлений от работ Достоевского и великих философов (Кьеркегора, Канта, Германа Когена, Гуссерля).

Относительно Г. Когена он говорил: «...И у Белого есть:

Философ марбургский Коген,

Творец сухих методологий...

Ну, это, конечно, абсолютно неправильная характеристика – «творец сухих методологий». Это был замечательный философ, который на меня оказал огромное влияние, огромное влияние, огромное» [2, с.36].

Безусловно, их идеи постепенно становились его идеями, которые затем трансформируются в самостоятельные идеи, хотя многие формулировки и понятия явно заимствованы не только у Кьеркегора, но и у его последователей, например М. Хайдегера. В классических работах Витебского периода Бахтин внес много своего в подход к бытию как со-бытию, сохранив при этом критическую позицию по отношению к романтизму и гегельянству, характерную для творчества Кьеркегора и Когена.

Естественно, что о плагиате, в данном случае, речь не идет, скорее можно говорить о «творческом подражании» (в свое время этот термин ввел Просецкий). Высказанная нами мысль подтверждается и самим Бахтиным в его записках «К методологии гуманитарных наук» (последняя его работа), он пишет: «Особенно важное значение имеют внетекстовые влияния на ранних этапах развития человека. Эти влияния облечены в слово (или в другие знаки), и эти слова – слова других людей, и прежде всего материнские слова. Затем эти «чужие слова» перерабатываются диалогически в «свои-чужие слова» с помощью других «чужих слов» (ранее услышанных), а затем и в свои слова (так сказать, с утратой кавычек), носящие уже творческий характер. Ранние стадии словесного осознания. «Подсознательное» может стать творческим фактором лишь на пороге сознания и слова (полусловесное-полузнаковое сознание). Как входят впечатления природы в контекст моего сознания. Они чреватые словом, потенциальным словом. «Несказанное» как *передвигающийся предел*, как «регулятивная идея» (в кантовском смысле) творческого сознания» [3, с. 381].

Но детские травмы и впечатления не оставляли Бахтина, и он все больше и больше углублялся в экзистенцию, стараясь понять феномен человека, постепенно приходя к позициям философской антропологии, центром которой был человек «Я» и его отношения с «Другим».

Эти основные идеи Кьеркегора привлекали Бахтина. Он, будучи, в какой-то мере, противоположностью Кьеркегора долгое время внутренне полемизировал с ним. Прежде всего, это связано с попытками, а затем отказом от этих попыток реализовать себя как социальную личность. Он был заброшен и никому не был нужен на протяжении сорока лет. В противоположность Бахтину Кьеркегор не был эскапистом и отшельником, он был борцом за свою индивидуальность и свободу.

Позже М.М. Бахтин, как и Кьеркегор, писал о диалогизме сознания, и о жизни человека в целом: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, понимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [4].

В жизни Бахтина можно выделить три основных периода. Первый (1919–1928 г.) – это Петербург-Витебск-Петербург. Пожалуй, это самый счастливый период его жизни. Общение с творческой и научной элитой того времени. Женитьба, Написание основополагающих его творчества работ.

Второй период (1928-1969 г.) самый трудный в его жизни. Это эпоха арестов по обвинению в «контрреволюционной деятельности» и участия в «антисоветских организациях», эпоха вынесения приговоров о заключении в концлагеря и ссылки в Кустанай, эпоха травли, публикаций под чужими именами и скитаний по стране. На долю Бахтина действительно выпало множество испытаний. Это и голод, и хроническая тяжелая болезнь, и невозможность найти работу, и тюремное заключение, и долгая череда крушений надежд на публикацию созданных им текстов, и многое другое. В конце концов, ученый оказался в Саранске, где, казалось, ему и будет суждено провести остаток дней.

Поистине, не бытие, а со-бытие бытия – его категория. «Я нахожусь в бытии, как в со-бытии...». Самое время вспомнить ещё одну из известных его метафор, экзистенциальную, по своей сути, завещанную им не только как философский тезис, но как заповедь: «... *не-алиби в бытии*». Ее можно трактовать как невозможность жить вне существующего бытия.

Третий период (1969–1975 г.) – это период его внезапной, не совсем понятной реабилитации и всемирного признания. Это наиболее загадочный период в его жизни. Здесь мы видим трагическое противоречие в судьбе Бахтина. Противоречие в отсутствии признания и не востребованности по существу, а затем и в характере использования, превратившего бахтинские идеи и особенно термины в предметы массового культурного потребления и неприступности, в то же время внутреннего ядра его мысли.

Эта хронология – своеобразная полифония его судьбы и его творчества, которой необходимо дать психологический анализ. По мнению Кьеркегора ни одна из форм человеческого бытия не обладает истиной. Истина полифонична и дескриптивна по своей сути. И поиск истины возможен только через диалог между различными формами человеческого бытия [5].

Эта полифония судьбы делала необходимым для Бахтина определенного окружения, которое бы способствовало жизненной реализации способностей и творческой самобытности самого Бахтина. Вот что он пишет об этом в своей последней итоговой работе «К методологии гуманитарных наук»: «Я же во всем слышу *голоса* и диалогические отношения между ними». И далее: «Стремление овеществить внесловесные анонимные контексты (окружить себя несловесною жизнью). Один я выступаю как творческая говорящая личность, все остальное вне меня только вещные условия, как *причины*, вызывающие и определяющие мое слово. Я не беседую с ними – я *реагирую* на них механически, как вещь реагирует на внешние раздражения» [3, с. 386].

Для сравнения, в одной из первых своих работ он писал: «Петь голос может только в *теплой атмосфере*, в атмосфере возможной хоровой поддержки, принципиального *звукового неодионочества*» (курсив Бахтина). В этих признаниях – в начале и в конце творческой деятельности Бахтина – коренятся истоки той философско-эстетической полифонии, без всестороннего осмысления которой не может считаться полноценным исследование бахтинского «тезауруса» [6, с. 231].

Еще более точно о себе, о своем восприятии самого себя в этом мире он пишет в Философии поступка, это свидетельствует об очень ранней попытке поиска себя в этом мире. «В данной единственной точке, в которой я теперь нахожусь,

никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не находился. И вокруг этой единственной точки располагается все единственное бытие единственным и неповторимым образом. То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может. Единственность наличного бытия принудительно обязательна. Этот факт моего не-алиби в бытии, лежащий в основе самого конкретного и единственного должностования поступка, не узнается и не познается мною, а единственным образом признается и утверждается» [7]. В этом отрывке явно прослеживается мысль о невозможности сопротивляться неизбежному («единственность наличного бытия принудительно обязательна»), но важно сохранения себя в этом бытии (дихотомия бытие-со-бытие понимается нами, как существую и сосуществую одновременно). Понятие диалога и полифонии приобретают смысл в его попытках найти консенсус с Другими и иметь право на собственное мнение, собственную жизнь. Отсюда вытекает и необходимость поступка как ответственного действия. Бахтин, в конечном итоге, совершает поступок, выбирая одиночество, для того, чтобы сохранить свое «Я».

В этом тоже можно усмотреть раннее влияние Кьеркегора. Экзистенция, для С. Кьеркегора, – это, прежде всего, непосредственный личный опыт переживания человеком своего существования. В этом случае существующим является тот, кто испытывает интерес к трудностям и обстоятельствам своего бытия и занят, целиком и полностью, самим собой, и эта «занятость», по мнению С. Кьеркегора, требует единичного числа. Подобное отношение, относящееся к себе самому, это Я, не может быть положено иначе, как через себя самое или же через другого (*et Andet*). Отношение к самому себе одновременно всегда предполагает с неизбежностью отношение к иному, другому, а это иное у С. Кьеркегора есть Бог [8]. Кто этот другой для Бахтина мы с уверенностью сказать не можем.

Для С. Кьеркегора сущностной характеристикой человеческого бытия является способность человека к свободному выбору и к принятию за него ответственности. Экзистенция, по мнению С. Кьеркегора, есть «внутреннее», которое постоянно переходит во внешнее, предметное бытие. Предметное бытие выражает собой неподлинное существование человека, а обретение экзистенции предполагает решающий выбор, посредством которого человек переходит от созерцательно-чувственного способа бытия, детерминированного внешними факторами среды, к самому себе, единственному и неповторимому. Этот путь С. Кьеркегор называет экзистенциальной диалектикой [8].

У Бахтина это имеет следующий вид: «Участное мышление и есть эмоционально-волевое понимание бытия как события в конкретной единственности на основе не алиби в бытии, т. е. поступающее мышление, т. е. отнесение к себе как к единственному ответственно поступающему мышлению» [7].

Отстраненность Бахтина от мира, его со-бытие в этом мире прослеживается в записанных Дувакиным диалогах с Бахтиным, читая которые поражаешься, прежде всего, его полной отстраненностью, граничащей с безразличием от окружающей действительности. Особенно ярко это проявляется в отношении периода 1941-1945 гг. Создается впечатление, что он даже не знал или не придавал значение Отечественной войне, его больше заботили собственные проблемы, переезд в более комфортные условия, смена работы. Справедливости ради необходимо сказать, что его заботило, прежде всего, возможность осуществлять любимые им интеллектуальные занятия в виде чтения книг и написания различного рода философских комментариев, но также отсутствие хлеба, колбасы и сахара, которые он просил друзей прислать из Москвы. Как дела на фронте, как живут люди в воен-

ной и послевоенной Москве и в стране, его, по-видимому, не интересовало. Эти вопросы не прослеживаются ни в диалогах, ни в письмах Бахтина того времени.

Сравнивая судьбу Кьеркегора и судьбу Бахтина приходим к определенным выводам. Вопреки распространенным мнениям, расколотое «я» Кьеркегора не становится самодовлеющим – оно всегда с установкой на «другого», всегда в непрестанном движении, в бесконечных поисках возможности целостной экзистенции. У Бахтина, в его философской антропологии «расколотое Я» трансформируется в проблему несовпадения личности с собою. Например, в «Авторе и герое» («я как субъект никогда не совпадаю с самим собою») [6] это не только несовпадение личности с самим собой, это радикальный разрыв с «обыденностью» во всех ее проявлениях, с тем, как понимается мир и с повседневной социальной практикой.

На наш взгляд, Бахтин идет именно путем Кьеркегора, говоря: «В эстетическом бытии можно жить, и живут другие, а не я – это любовно созерцаемая жизнь других людей..., себя я не найду в ней, но лишь своего двойника-самозванца» [7].

С большой долей уверенности можно сказать, что Бахтина у Кьеркегора привлекало многое, что нашло отражение в его работах, например проблема единственности. Центральным понятием философии Кьеркегора является, несомненно, «единичный индивид» (Enkelte), а понятием, противостоящим ему, – «всеобщее». Необходимо иметь в виду, что «единичный индивид» представляет собой совершенно особое понятие, поскольку не имеет определения, не обладает никакими свойствами, кроме одного – быть индивидом, т. е. единственным, единичным. «Единичный индивид» Кьеркегора – это индивид, не просто стоящий выше всеобщего, но индивид, находящийся в абсолютном отношении к Абсолюту, т. е. нашедший Бога, вступивший на путь веры [8].

Борьба с самим собой и обоснование того, что «я единственный несущий ответственность за свой поступок» находит свое выражение и в определенных неясностях в биографии М.М. Бахтина. Этих неясностей много, мы не пытаемся найти так называемые «жаренные факты», в этих неясностях мы хотим найти смысл философской антропологии Бахтина, так как наша цель это осмысление феномена Бахтина как такового. Эти и многие другие факты, не объясненные никем, ставят много вопросов и требуют большой точности формулировок, но это не наша тема. Мы ставили цель понять основную идею творчества Бахтина М.М., одаренного и талантливого ученого, идеи, потерянной в многоголосье дифирамбов и конъюнктурных точек зрения, попыток канонизации его и попыток поместить его творчество в прокрустово ложе различного рода определений.

Заключение. Объем статьи не дает возможности проведения детального анализа поднятых нами вопросов, но дает возможность следующих предварительных выводов.

Основой философской антропологии Бахтина М.М. является его собственная жизнь и судьба, анализ которой предопределил экзистенциализм С. Кьеркегора, основной идеей которого является человеческое существование (бытие).

Философия Бахтина, это не новая философия, это философия непризнанного при жизни одаренного человека, человека, не имевшего возможности самореализации, отказавшегося от борьбы, вынужденного существовать в навязанных ему условиях и сумевшего сохранить себя для себя. Неслучайно многие авторы отмечают, что произведения Бахтина надо читать как одну книгу для того, чтобы понять то, что он хотел сказать, а не анализировать отдельные отрывки и термины из его работ. Это есть и в его работе «Автор и герой», где он анализирует категорию части и целого.

Тем не менее, Бум Бахтина, рано или поздно, закончится или перейдет во второй круг. Но если это произойдет, то это будет очень ограниченный, можно даже сказать узкий круг особого рода интеллектуалов.

Список использованной литературы:

1. Белов, В.Н. Восприятие М.М. Бахтина на западе: несколько общих замечаний / В.Н. Белов // Вестник РУДН. – Серия: Философия. – 2017. – Т. 21.– № 1. – С. 93–97.
2. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 342 с.
3. Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Изд. 2-е. – М., 1986.
4. Бахтин, М.М. Заметки / М.М. Бахтин // Собрание сочинений в 7-ми томах, Том 5. – М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 1996. – С. 351.
5. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор // М.: «Республика», 1993.
6. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // Собрание сочинений в 7-ми томах, Том 1. – М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 1996. – С. 231.
7. Бахтин, М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – Ежегодник 1984–1985. – М., 1986. – С.80–160.
8. Кьеркегор, С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» (фрагменты) / С. Кьеркегор // Пер. с дат. и комм. Д.А.Лунгиной // Логос. – 1997. – №10. – С. 139–147.

Алексеев Д.В.

ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск

Старший преподаватель

Diana-al@mail.ru

Виноградова С.А.

ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск

Старший преподаватель

lovekafedra@mail.ru

УДК 159.9.072

АКТ ПОСТУПЛЕНИЯ В ВУЗ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ М.М. БАХТИНА

Статья посвящена проблеме значимого поступка для личности – акта выбора профессии и поступления в вуз. Обозначаются психологические характеристики периода поздней юности. Приводятся результаты и анализ эмпирического исследования.

Ключевые слова: поступок, событие, профессиональное самоопределение.

THE ACT OF ENTERING TO THE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF M.M. BAKHTIN'S IDEAS

The article is devoted to the problem of a significant act for a person – the act of choosing a profession and entering a University. Here are marked psychological characteristics of the period of late youth. The results and analysis of empirical research are presented.

Key words: the act, the event, the professional identity.

Введение. Поступление в вуз является важным поступком, переломным событием в жизни молодых людей. Этот момент, пункт на линии жизненного пути